

систему государственных органов и общественных организаций, обеспечивающих правовой контроль, реализацию права; правовое поведение, деятельность¹.

Таким образом, правовая культура функционирует во взаимодействии с другими областями (сферами) культуры: политической, нравственной (этической), эстетической, религиозной и т.д. При этом в специфическом содержании правовой культуры обязательно проявляются черты и особенности, свойственные как господствующей культуре данного общества, так и отдельным ее областям. Обеспечение максимального взаимного соответствия между всеми элементами правовой культуры – магистральная линия укрепления в обществе законности и правопорядка².

В связи с этим особо значимым является взаимодействие, взаимообслуживание элементов правовой и нравственной культуры и областей культуры в целом. Обеспечить социально адекватное, законопослушное поведение личности в условиях демократического государства можно лишь через нравственное и правовое сознание одновременно. Именно нравственное сознание как элемент нравственной культуры служит непосредственным внутренним (личностным) механизмом определения правовой позиции (выбора правомерного или противоправного варианта поведения). Поэтому правовая культура неразрывно связана с общей культурой, она не мыслит себя без культуры как таковой.

Бурмистров С.Л.

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО КАК ФЕНОМЕНЫ КУЛЬТУРЫ: ТЕОРЕТИКО-СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ

Представление о человеке как развивающемся существе кажется нам самоочевидным и едва ли не общеобязательным для любой сколько-нибудь развитой культуры, ибо такова одна из характернейших черт западной цивилизации. Запад строит свои отношения с другими цивилизациями на принципах развития, заставляя Индию, Китай, Ближний Восток модернизироваться. Но насколько органично понятие развития для восточных культур? И, в частности, насколько можно говорить о развитии применительно к представителю, например, индийской цивилизации?

Под развитием обычно понимается такое изменение какой-либо системы, которое приводит к ее усложнению, а, следовательно, и к усложнению ее связей с вмещающей средой (социальной, биологической, физической и т. п.). В этом смысле образование и развитие представляют собой две стороны одного и того же явления – роста и усложнения системы, причем под системой имеется здесь в виду как

¹ Стадниченко С. Право как носитель общественного идеала и элемент образования общества // *Alma mater*. 2002. № 10. С.38-40

² Попов М. Правовая культура как элемент социального порядка // *Власть*. 2006. № 6. С.15-16

отдельная человеческая личность, так и социум в целом. Образование, таким образом, выступает как фактор самоорганизации социальных систем, осуществляющейся посредством внушения социальным агентам определенных представлений о мире, обществе и человеке, характерных для данной цивилизации. Посредством образовательных процедур как инструментов социализации общество формирует того индивида, который будет в наибольшей степени приспособлен к существующим социальным практикам и станет полноценной частью социальной системы.

Все это свидетельствует о том, что в процессе образования отдельная личность не столько *обучается*, сколько *формируется*. Действительно, даже само слово «образование» свидетельствует об этом: в процессе обучения человек усваивает не просто некоторую объективную информацию о мире, но прежде всего определенный способ видения мира и интерпретации поступающих извне данных.

Очевидно, что и личность, и общество в целом представляют собой системы, то есть сложные, внутренне гетерогенные, но при этом интегральные образования, все компоненты которых выполняют в рамках целого определенные функции и не могут быть с достаточной эффективностью заменены другими компонентами. Все это делает необходимым рассмотрение отдельного индивида (который, собственно, подвергается образовательным процедурам, а также является одним из главных субъектов права) как части социальной системы.

В качестве одного из возможных определений понятия системы можно предложить такое: это «совокупность объектов, обладающая *интегративным свойством*, то есть свойством, не являющимся суммой или средним объектов совокупности»¹. Естественно, это интегративное свойство должно, во-первых, быть присущим в той или иной степени всем элементам системы, а во-вторых, быть существенным для ее конституирования. Если иметь в виду социальную систему, то практически единственным интегративным свойством, которое присуще ее элементам, является способность к коммуникации. Коммуникация, по существу, выступает в генезисе социальных систем как решающий фактор, от которого зависит функционирование каждого из компонентов системы. В этом смысле образовательный процесс играет роль социальной и культурной инстанции, обеспечивающей социализацию индивида, усвоение им социальных ролей, допустимых для него в существующей системе социальных полей, и способов действия в них. В процессе социализации, понимаемой в данном случае в самом широком смысле, индивид становится личностью, а значит, интернализует определенные стратегии поведения, принятые в данном обществе и в той субкультуре, к которой этот индивид принадлежит. Так, очевидно, что социализация в доминирующих социальных слоях происходит иначе, чем в слоях доминируемых, и отличается как по форме, так и по интернализуемому

¹ Жилин Д.М. Теория систем: опыт построения курса. 2-е изд., испр. М.: Едиториал УРСС, 2004. С.47.

субъектом содержанию (человеку, грубо говоря, внушаются разные ценности в зависимости от того, родился ли он в семье рабочего или нефтяного магната).

Таким образом, процесс социализации представляет собой феномен, существенным образом зависящий от того, к какой социальной страте принадлежит субъект. Все это в теории французского социолога П. Бурдьё интерпретируется через понятие *габитуса*. «Габитус определяется своим происхождением – тем, что он есть интериоризированный ансамбль социальных отношений; а также своим положением в системе производства практик – тем, что он является одновременно результатом интериоризации (объективных) социальных отношений и необходимым субъективным условием практик агентов; отсюда следует, что габитус делает возможным экстериоризацию интериоризированного, т. е. габитус выступает как механизм, порождающий практики»¹. Иными словами, габитуальные структуры представляют собой часть человеческой психики, обусловленную усвоением индивидом определенных социальных установок, или поведенческие диспозиции, побуждающие человека в известных ситуациях поступать определенным образом, причем эти поступки (точнее, вообще всякая деятельность, которая включает в себя все, вплоть до таких, на первый взгляд, мелких деталей, как манера говорить, ходить, одеваться и т.п.). «Габитус есть воспроизводство внешних социальных структур под видом внутренних структур личности»².

В контексте проблематики права и образования это означает, что образовательные процедуры, будучи частью процесса социализации, являются средством создания в человеческой личности определенных поведенческих диспозиций, имеющих, однако, характер несколько иной, чем те, которые получаются в результате «подражательной» социализации, когда человек бессознательно перенимает у других людей манеру держаться. Специфика и образовательного процесса, и права как элементов культуры состоит в том, что они, будучи, несомненно, инстанциями, детерминирующими реальное осуществление социальных практик, являются при этом процессами вполне осознанными и поддающимися вследствие этого сознательному анализу и модификации.

Специфика образовательного процесса состоит, в частности, в том, что благодаря ему человек интериоризирует не просто определенную информацию об устройстве мира, но тот образ своей собственной культуры, который она сформировала в ходе своего исторического развития. Хорошо известен афоризм, гласящий, что история – это политика, опрокинутая в прошлое; в нашем случае такой политикой является образовательный процесс, который формирует индивидов,

¹ Шматко Н.А. Генетический структурализм Пьера Бурдьё // История теоретической социологии. В 4-х тт. Т.4 / Под ред. Ю.Н. Давыдова. СПб.: РХГИ, 2000. С.396.

² Там же. С. 397.

непосредственно встроенных в те или иные социальные структуры данной социальной системы. В этом процессе в сознание человека вносятся такие социально обусловленные концептуальные структуры, которые необходимы для эффективного функционирования социальной системы как целого.

В социологической концепции Н. Лумана в качестве базового элемента, конституирующего общество как систему, вводится понятие коммуникации, которое расценивается в этой теории как процесс самодостаточный и, более того, первичный по отношению к отдельным социальным агентам. При этом тематизироваться в коммуникации может что угодно, в том числе и сама коммуникация. «Понятие коммуникации содержит гипотезу о рефлексивной самоотнесенности. В коммуникации всегда коммуницируют о самой коммуникации. Она способна ретроспективно корректировать себя или оспаривать, будто в ней подразумевали нечто, что таковым лишь представлялось или казалось. Она может интерпретироваться другой коммуникацией в границах значений от достоверности до неправдоподобности. Но она всегда предполагает – пусть даже и краткосрочную – память, которая практически исключает утверждения, будто бы она вообще не имела места. В этом случае ретроспективно возникают нормы и оправдывающие обстоятельства, требования такта и контрафактического игнорирования, с помощью которых коммуникация сама очищает себя от возможных возмущающих воздействий»¹.

В приведенном фрагменте Луман очерчивает основное свойство всякой культуры – способность к коммуникации второго порядка, или метакоммуникации. Метакоммуникативные структуры и механизмы встроены в культуру и обеспечивают ей способность к созданию самоописаний. При этом здесь мы поднимаемся над уровнем габитуальных структур психики и социальных практик, изученным П. Бурдьё, и оказываемся в сфере, где действуют уже не бессознательные механизмы установления и поддержания социальной солидарности, а вполне сознательные и управляемые процессы, благодаря которым и существует культура.

Право и образование относятся именно к этому – сознательному уровню культуры. В процессе бессознательного усвоения индивидом социальных практик, конституирующих социум, у него формируются сравнительно примитивные, «низкоуровневые» структуры психики, в процессе же формального образования он интернализует не просто какие-то сведения о внешнем мире, но самообраз, самописание той культуры, в которую входит. Это, очевидно, касается прежде всего таких содержательных компонентов образовательного процесса, как гуманитарные науки – философия, история, литература и т.п. В самом деле, где, как не в них, на первый взгляд, можно найти самописание

¹ Луман Н. Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2004. С. 10-11.

данной культуры? В философских трактатах и памятниках словесности она отражает себя в наибольшей степени и создает те компоненты культуры, при помощи которых данная культура уже на *сознательном* уровне отличает себя от других. Иными словами, отличие «нашей» культуры от всех «не наших» само становится компонентом «нашей» культуры, а значит, человеку открывается доступ к его осознанию и, возможно, изменению (именно в этом, отметим, заключалась суть спора славянофилов и западников в России XIX в.: это был спор о самообразе России). В концепции Лумана это явление – включение различия, отличающего систему от внешнего мира, в саму систему в качестве ее полноправного компонента, – получило название *re-entry*, или реитерации. Именно благодаря ей система обретает способность к самоуправлению.

Применительно к проблемам образования и права это значит, что образовательный процесс – это, в сущности, процесс внесения в тот образ социокультурной системы, который хранится в сознании ее члена, различия, которое пролегает между самой системой и внешним миром. Интересно (и не всегда очевидно), что это все касается не только гуманитарных наук, но и естественных, которые представляют собой определенную картину физического мира, выработанную в рамках данной культуры и, следовательно, являющуюся ее частью.

Право же, если рассматривать его с этой точки зрения, выступает как та часть самообраза социокультурной системы, которая выработана благодаря осознанию различий между «нашей» культурой и «не нашими» и формализации той части различий, которые касаются поведения индивидов. Традиции и обычаи говорят нам, как принято вести себя в той социальной среде, к которой мы принадлежим, и опираются на не всегда осознаваемые габитуальные структуры психики. Они, как правило, не формализованы. Право же – результат формализации, оно порождено уже не габитусами, а вполне осознаваемым индивидами образом культуры, к которой они принадлежат. Естественно, эти два уровня могут не совпадать и даже находиться в конфликте друг с другом (пример – правовое сознание российского общества); при этом неизбежно нигилистическое отношение не только к праву, но и к содержательному компоненту образования, преодолеваемое лишь устранением разрыва между образом культуры и повседневными социальными практиками.